

Известному советскому прозаику Григорию Яковлевичу Бакланову 11 сентября исполняется 60 лет. К юбилею писателя издательство «Художественная литература» выпускает первый том его четырехтомного собрания сочинений. В Нишнечеве в издательстве «Литература артистичез» выходит на русском языке однотомник, в который включены повести «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут».

Наш корреспондент задал юбиляру несколько вопросов.

— Григорий Яковлевич, война вас сделала военным. А литератором? Стали бы вы писателем, если бы не были на фронте? Или у вас со школьных лет была тяга к перу? Приходилось ли писать на фронте?

ставя себе никакой определенной цели: захотелось рассказать, но не рассказывать же однополчанам, которые сами все это знают, видели, я и рассказал на бумаге. Война кончилась, стояли мы тогда в Болгарии, в гонде Парзджик, времени было много, все ждали демобилизации, хотелось домой. Вот так, между делом и ожиданием написал.

Думал же я до войны и надеялся, что быть мне врачом. И хотя из девятого класса ушел учиться в авиатехникум — нужно было и хотелось скорей стать самостоятельным, — все равно видел себя в дальнейшем врачом и непременно — хирургом.

Когда я теперь пытаюсь представить, как делал бы

ни. Но из всех писателей наибольшее влияние оказал на меня Лев Толстой, о чем я уже говорил и писал не раз. А учит, вообще говоря, каждая прочитанная книга: в одной видишь, как надо, в другой, как не следует. Но преимущественно все же учишься у жизни и у самого себя.

— Какие произведения включены в ваше собрание сочинений?

— В собрание сочинений вошли все мои книги, написанные о времени Великой Отечественной войны; и повести, и роман, и рассказы. Включены также повести «Меньший среди братьев», «Карпухин», роман «Друзья», книги очерков об Америке и Канаде, части публи-

ном свете многое видней и выпуклей. И архивные материалы, и мемуары — все это было необходимо, я проверял и перепроверял каждый факт. Длилась работа над романом два с половиной года.

— Коротко о вашей домашней библиотеке.

— Моя домашняя библиотека совсем не обширна. И нет в ней особенных редкостей, а самая большая для меня ценность — девятидесятилетнее собрание сочинений Льва Толстого. Многие годы хотелось купить его, и вот недавно, наконец, приобрел и читаю с карандашом. Мое собственное, первое в жизни собрание сочинений Льва Толстого я получал по подписке после войны, том за томом — все четырнадцать томов. Теперь оно пожелтело и истерлось; истерлось и пожелтело собрание сочинений Чехова и шеститомный Гоголь, и десяти томный Достоевский, но страницы тех книг даже на ощупь знакомы, многое связано с чтением их.

Я не собиратель ни ценностей, ни редкостей — этого нет в нашем доме. И не коллекционер. Повидал я, как накопленное, хранимое переживало людей. Покупаю только те книги, которые хочу прочесть сейчас или в будущем. Смотреть же на тома, которые я не прочту, мне не доставляет никакого удовольствия, и смысла в этом не вижу. Гораздо приятней сознавать, что мои любимые книги уже прочтены моими детьми, что не далеко тот день, когда я буду читать их внуку, а дальше, надеюсь, он сам полюбит их и прочтет.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Сейчас пишу повесть. Время — семидесятые годы, место действия — Москва и одна из наших строек тех лет. Подробнее рассказывать вряд ли следует: повесть не закончена. Многие годы я собирался писать рассказы, но все откладывал до поры, до времени: заканчивал одну повесть, начиналась другая... И вот в прошлом году в журнале «Дружба народов» опубликовал цикл рассказов, в которых события не выдуманы, а только записано то, что было, и так, как оно было. Изменены лишь некоторые фамилии. Но с рассказами получается так: пока один пишешь, уже другой на ум приходит. А мне хотелось бы написать еще одну книгу о временах и событиях минувшей войны. последнюю.

ИЗ ЖИЗНИ ВЗЯТОЕ

Беседа с Григорием БАКЛАНОВЫМ

— Сейчас можно гадать, стал бы или не стал, если бы не обстоятельства, но гадание это лишено смысла. Ни в школе, ни во взрослые годы стихов я не писал, вообще в школе, серьезно говоря, не писал ничего, кроме обязательных сочинений по литературе. Во время войны писал только письма домой, которые не сохранились; возможно, в них были какие-то точные подробности. Вы должны знать, что на фронте не полагалось, не разрешалось писать ни дневники, ни что-либо подобное: дневник, найденный на убитом, давал противнику разведданные. Корреспонденты, журналисты, работники редакций — это дело другое. Они и находились подале, и жизнь, и служба у них были совсем иные. А я был солдатом (в те годы говорилось — бойцом), с фронта послан во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, по окончании его — командир взвода, начальник разведки дивизиона, словом — строевой офицер. Какие уж там писания! За всю войну (и то — в госпитале) прочел две книги: «Анну Каренину» Толстого и «Титан» Драйзера. Выбор определялся просто: что было в госпитале, то и прочел. И странным мне показалось многое в этих книгах: я ведь тогда сквозь войну смотрел на все. Потом, после войны, не раз с наслаждением перечитывал «Анну Каренину».

Не думал я никогда, что буду писать книги. И первый свой рассказ написал, не

операции, возможно, детям, кто-то из детей неминуемо умирал бы от моего неумения, оттого, что медицина все еще бессильна во многом, я могу сказать: судьба правильно распорядилась.

— Ваша первая публикация?

— Первая публикация моя была в «Литературной газете» в 1950 году. Возникла у кого-то мысль: напечатать очерк о землеустроителе. Я учился тогда в Литературном институте, предложили мне написать, и я поехал в Чувашию. В вопросах землеустройства разбирался я слабо, да и не об этом речь шла. В ту пору колхозы то укрупняли, соединяя по несколько хозяйств в одно большое хозяйство, то, наоборот, разукрупняли, и севообороты всякий раз перекраивали заново. Но человек, которого я там встретил, был мне интересен, похож на одного из моих солдат: такой же спокойный, терпеливый. До позднего вечера ходили мы с ним по полям, день был сырой, мгlistый, и вот об этом человеке, об этом дне, об этих полях я написал очерк. К сожалению, я не помню сейчас его имени и не могу назвать, публикация у меня не сохранилась, а времени с тех пор прошло много, тридцать с лишним лет.

— Ваши учителя в литературе?

— В Литературном институте я посещал семинар Паустовского. О Константине Георгиевиче Паустовском я сохранил самые лучшие, самые теплые воспомина-

цистики. Не включил я ранние мои вещи, в том числе повесть «В Снегирях», хотя о ней и Фадеев писал, и в Союз писателей я был принят за эту повесть. Но в ней слишком явные следы ученичества, уже четверть века я не включаю ее ни в один из моих сборников.

Не войдут в собрание сочинений пьесы, киноповести, сценарии.

— Пользуетесь ли архивами?

— Каждая книга и возникает по-своему, и соответственно складывается работа над ней. Скажем, повесть «Пядь земли» писалась по свежим воспоминаниям. Ничьи дополнительные рассказы, какие-либо материалы не только не требовались, но я отсекал лишнее, все то, что повесть не вмещала. Вот из такого «лишнего», что не могло войти в «Пядь земли», возникла в дальнейшем повесть «Мертвые сраму не имут». Вернее, возникла она тогда же, но написал я ее два года спустя.

Когда работал над повестью «Карпухин», я перечитал ряд судебных дел, ходил на процессы. Ничего из этих дел в повесть не вошло, но атмосфера суда, подробности — все это надо было и знать досконально, и чувствовать.

Работая над романом «Июль 41 года», я не мог полагаться только на свою память. Поэтому об одних и тех же событиях я выслушивал и записывал рассказы многих людей, это давало освещение с разных точек зрения, в таком перекрест-